

«НЕКРАСОВСКАЯ ДЕВУШКА» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

VALERY A. DOMANSKY
«NEKRASOV GIRL» IN THE LITERARY CONTEXT OF THE ERA

**Валерий Анатольевич
Доманский**

Доктор филологических наук,
профессор

► valerij_domanski@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Российская Федерация, 191186,
Санкт-Петербург,
ул. Большая Морская, 18

Valery A. Domansky

Doctor of Philology, Professor

St. Petersburg State University
Industrial Technology and Design
18, Bol'shaia Morskaya ul.,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Наряду с крестьянским типом девушки («Тройка») Некрасов попытался создать образ провинциальной барышни из дворянской семьи. Его поэма «Саша» и роман Тургенева «Рудин» создавались в атмосфере дружеского общения писателей. Оба произведения были одновременно опубликованы в журнале «Современник» за 1856 г. (в № 1). В статье оба произведения рассматриваются в контексте литературных споров о женской эмансипации. Кроме тургеневского «Рудина» литературный контекст некрасовской поэмы составляют поэма В. А. Фета «Две липки» и повесть И. И. Панаева «Родственники». В последней раскрывается тема интеллектуального развития юной девушки под влиянием образованного мужчины. Здесь впервые появляется концепт «горячая голова и холодное сердце». Но героиня повести Наташа явно уступает в своем развитии тургеневской Наталье Ласунской, хотя финалы обоих произведений во многом похожи. Наибольшее сходство сюжетной линии поэмы Некрасова прослеживается с романом Тургенева «Рудин». Главные героини обоих произведений имеют общие черты: любовь к природе, цельность натуры, стремление к знаниям, духовному развитию. Поэт создал обаятельный образ девушки, которая посредством образования развила свой ум и приобщила к передовым идеям времени. Автор убежден, что такие девушки со временем будут определять будущее России. Но если «тургеневская девушка» вошла в русскую литературу как культурный код, «некрасовская девушка» таким кодом не стала. Свои главные художественные поиски поэт посвятил образу русской женщины, «величавой славянки».

Ключевые слова: Некрасов, Тургенев, Панаев, литературный контекст, роман «Рудин», поэма «Саша», повесть «Родственники», «некрасовская девушка», «тургеневская девушка».

Along with the peasant type of girl ("Troika"), Nekrasov tried to create the image of a provincial young lady from a noble family. His poem "Sasha" and Turgenev's novel "Rudin" were created in the friendly communication of writers, and both works were published simultaneously in the journal "Sovremennik" in 1856 (No. 1). In the article they are considered in the context of literary disputes about women's emancipation and works of art of the mid-1850s. The literary context of the Nekrasov poem, in addition to Turgenev's "Rudin", is the poem by V. A. Fet "Two sticky trees" and the story of I. I. Panaev "Relatives". The latter reveals the theme of the intellectual development of a young girl under the influence of an educated man. The concept of "hot head" and "cold heart" appears for the first time in it, which Panaev introduced even before Turgenev. But his Natasha is clearly inferior in its development to Turgenev's Natalia Lasunskaya, although the finals of both works are in many ways similar.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-013-00684.

The greatest similarity of the storyline of Nekrasov's poem can be traced with Turgenev's novel "Rudin". The main characters of both works have common features: love for nature, the integrity of nature, the desire for knowledge, spiritual development. The Russian poet created a charming image of a girl who, through education, developed her mind and joined the advanced ideas of the time. The author is convinced that such girls will eventually determine the future of Russia. But if the "Turgenev girl" entered Russian literature as a cultural code, the "Nekrasov girl" did not become such a code. The poet devoted his main artistic searches to the image of a Russian woman, "a majestic Slav".

Keywords: Nekrasov, Turgenev, Panaev, literary context, novel "Rudin", poem "Sasha", story "Relatives", "Nekrasov girl", "Turgenev girl".

Введение

200-летний юбилей Н. А. Некрасова, отмеченный в 2021 г., всколыхнул интерес исследователей и читателей к творчеству поэта. Одним из перспективных направлений в некрасоведении явилась интерпретация произведений в литературном и культурном пространстве. В так называемом «панаевском цикле» Некрасов средствами реалистической поэтики попытался раскрыть сложный мир женщины, показать ее как духовно богатую личность со своими страстями, терзаниями, достоинствами и недостатками, правом на «свое суждение» и свою правду. При этом Некрасов в «роковом поединке» двух любящих сердец нередко отдает предпочтение правде женщины, на долю которой выпали житейские страдания и муки. Именно об этом свидетельствует одно из его стихотворений «панаевского цикла»:

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна...
[Некрасов 1981, т. 1: 164]

В данной статье поэма Некрасова «Саша» рассматривается в ряду произведений литературы 1850-х гг., в которых запечатлены духовные искания русских девушек, в контексте общественных споров о женской эмансипации. Она занимает

особое место в творчестве поэта, которого справедливо называют певцом русских женщин. Их яркие образы Некрасов создал во многих произведениях, и прежде всего в поэмах «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо».

Образ девушки, героини творчества Некрасова, запечатлен всего лишь в нескольких произведениях, поэтому возникает закономерный вопрос: существует ли «некрасовская девушка», чем-то похожая на «тургеневскую девушку», целью жизни которой является не только счастливая любовь и семейное счастье, но и стремление к самореализации, общественным идеалам, общественной пользе?

Одним из первых стихотворений Некрасова, в котором появляется образ девушки, стала его знаменитая «Тройка» (1846), опубликованная в реорганизованном журнале «Современник». На образ лирической героини сразу обратили внимание современники поэта. Очень тепло о нем отозвался Н. П. Огарёв в письме к Т. Н. Грановскому от 17 января 1847 г. В частности, он писал: «"Тройка" Некрас[ова] — чудесная вещь. Я ее читал раз десять» [Огарёв 1956: 395].

Благодаря музыкальному переложению стихотворение приобрело широкую популярность: в течение нескольких лет один за другим композиторы О. Бернад, И. А. Дюбюк, Н. Леонтьев, С. А. Зыбина, Н. Ф. Вителаро переложили его на музыку. Факт популярности произведения запечатлел Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?»: «Верочка села к фортепьяно и запела "Тройку" — тогда эта песня была только что положена на музыку...» [Чернышевский 1939, т. 11: 24]. Композиционно стихотворение строится на контрастном изображении внешне счастливой и, вероятно, несчастной жизни девушки-крестьянки, в которой органично соединяется внешняя и внутренняя красота. Внешняя красота яркая, броская, вызывающая восхищение и даже волнение в крови. От такой красоты не оторвать глаз:

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво

В волосах твоих, черных как ночь;
Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.
Взгляд один чернобрововой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

[Некрасов 1981, т. 1: 43]

Когда читаешь эти строки, вспоминаются портреты русских крестьянок А. Г. Венецианова («Девушка в клетчатом платке», «Крестьянка с косой и граблями», «Крестьянка Тверской губернии», «Крестьянка с васильками» и др.). Вслед за Некрасовым русские писатели будут стремиться изобразить этот чарующий, вспыхнувший, как молния, взгляд русской красавицы, который на мгновение озарит жизнь. И лучший пример этого взгляда мы встречаем у А. Блока в стихотворении «Россия»:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка.

[Блок 1960: 254–255]

Однако образ девушки-крестьянки не является собственно открытием Некрасова, поэт только продолжил традиции русского фольклора и русской литературы, добавив несколько характерных черт в портрете.

Обсуждение

Наряду с крестьянским типом девушки Некрасов попытался создать образ провинциальной барышни из небогатой дворянской семьи. В июне 1855 г. поэт завершает работу над поэмой «Саша» и публикует ее в «Современнике» за 1856 г. (№ 1) с посвящением: «И-у Т-ву» (т. е. Ивану Тургеневу). В этом же номере «Современника» был опубликован роман Тургенева «Рудин». Сюжетные переключки, типы героев и близость произведений по времени создания позволяли исследователям высказывать мысль о влиянии «Рудина» на поэму

«Саша». Так, комментатор поэмы А. М. Гаркави писал, что ее герой Агарин «во многом напоминает тургеневского Рудина: оба они фразёры, “лишние люди” из дворянской среды» [Гаркави 1956: 153]. Еще раньше эту мысль высказал и С. С. Дудышкин, который в своей статье «Стихотворения Некрасова» отмечал, что в Агарине читатели «нашли того же Рудина, только переложенного в стихи» [Дудышкин 1861: 87]. Развивая свою мысль, критик утверждал: «Сходство между ним и Агаринным до того сильно, что даже выразилось не только в общих чертах, но и в мелочах» [Дудышкин 1861: 87]. Любопытно, что в черновых редакциях поэмы, как и в романе Тургенева, появлялся образ жениха, который в окончательной редакции был устранен [Маслов 1971].

«Рудин» написан между 5 июня и 24 июля 1855 г., т. е. примерно в одно время с «Сашей». Однако, как отмечает М. Ю. Степина, «спор о “первенстве” сюжета едва ли плодотворен» [Степина 2013: 137]. Можно говорить только о творческих переключках и сближении художественных позиций авторов. Писатели часто видятся в Петербурге, а осенью 1854 г. Некрасов гостит у Тургенева в Спасском. Об этом факте сообщает сам писатель в письме к П. В. Анненкову от 28 сентября (10 октября) 1854 г.: «Мы с Некрасовым здесь уже с неделю, каждый день ходим на охоту (вальдшнепов, однако, не очень много), я чуть было не выколол себе глаз об ветку — и два дня сидел дома — впрочем, все обстоит благополучно. Теперь 7-й час утра, и я Вам пишу это, собираясь на охоту...» [Тургенев 1987. П., т. 2: 297]. О событиях своей жизни и пребывании Некрасова в Спасском Тургенев делится с Анненковым и в письме от 1 (13) октября: «Представьте, какое странное наше положение, любезный Анненков — погода удивительная — и именно потому, что она удивительная и дождей нету — и вальдшнепов у нас нету — и стрелять решительно не по чем. Впрочем, мы здоровы — и Некрасов даже работает. Он еще не знает наверное, когда вернется в Петербург — может быть, скоро» [Тургенев 1987. П., т. 2: 226–227]. Предположение о том, что Некрасов во время пребывания в Спасском работал над своей поэмой, мы находим также в его письме к Тургеневу от 30 июня —

1 июля 1855 г., в котором он сообщает следующее: «Помнишь, на охоте как-то, *прошептал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе...» [Некрасов 1997. П., т. 14, кн. 1: 204].

Таким образом, роман «Рудин» и поэма «Саша» создавались обоими писателями в одно и то же время в период тесного дружеского общения. Это было время, когда в России в литературе и любовном быту под влиянием Жорж Санд активно обсуждались вопросы судьбы женщины, ее предназначения в обществе, а произведения самой французской писательницы в 1855–1856 гг., как и в последние годы жизни В. Г. Белинского, по утверждению О. Б. Кафановой, «вновь стали едва ли не центральной нравственно-эстетической проблемой журнала [«Современника»] благодаря поистине титаническому труду Чернышевского, который в девяти статьях перевел, пересказал и прокомментировал многотомную “Историю жизни” (Histoïr de ma vie) писательницы» [Кафанова 1998: 301].

В определенной степени сходство сюжетов и проблематики некрасовской поэмы и тургеневского романа объясняется тем, что оба они опирались на разработанную в «Евгении Онегине» Пушкина матрицу усадебного сюжета. Ее в общих чертах можно представить следующим образом. В усадьбе, в условиях усадебной культуры воспитывается девушка, не похожая на других обитателей. Она наделена многими качествами:

...от небес одарена
 Воображением мятежным,
 Умом и волею живой,
 И своенравной головой,
 И сердцем пламенным и нежным...
 [Пушкин 1978, т. V: 57]

Героиня близка к народной жизни, к природе. Все это развивает в ней натуру мечтательную, романтическую, возвышающуюся над обыденностью. При этом она страдает от одиночества, вокруг нет ни одной родственной души. И вот из столицы приезжает молодой человек, он разитель-

но отличается от соседей-помещиков манерами и поступками, своим умом и развитием. Девушка влюбляется в этого молодого человека, который к тому же окружен ореолом таинственности. И эта любовь переворачивает ее жизнь.

Еще до тургеневского «Рудина» эту сюжетную канву использовал И. И. Панаев в своей повести «Родственники» (1847). В ней впервые возникает тема интеллектуального развития юной девушки под влиянием образованного мужчины. Героиня повести Панаева Наташа воспитывается в условиях провинциальной усадьбы и страдает, как и пушкинская Татьяна, от одиночества и непонимания окружающих. Однажды в усадьбу из столицы приезжает ее двоюродный брат со своим другом Григорием Алексеичем. Очень быстро происходит духовное сближение Наташи и Григория Алексеича, который руководит ее развитием, обучает французскому языку: «Он выбирал ей книги для чтения, иногда переводил для нее самые занимательные страницы, объяснял ей темные и непонятные для нее места и сам читал ей по вечерам Руссо, под влиянием которого находился в эту эпоху <...>». С каждым днем он незаметно способствовал ее развитию. Это были самые светлые, самые счастливые минуты в жизни Наташи. Григорий Алексеич блаженствовал, любясь успехами своей ученицы» [Панаев 1888: 402].

Молодые люди влюбляются друг в друга, но герой беден, а его любовь не сердечная, а «головная»; он боится взять ответственность за свою возлюбленную и в ситуации на rendez-vous признается: «Я не могу любить глубоко, с самоотвержением. Нет, не могу, я вижу это. Моя любовь в голове, в мечте, а не в сердце, не в действительности. Я принимал экзальтацию за истинное чувство...» [Панаев 1888: 452].

Наташа, прочитав письмо Григория Алексеича, со злости его рвет и соглашается стать женой Захара Михалыча, который к ней сватался. Заканчивается повесть счастливой концовкой: героиня «счастлива». У них прочная семья, «прекрасные дети», и их хозяйство «идет отлично» [Панаев 1888: 458]. И как в французских пьесах-провербах, повесть Панаева заканчивается резюмирующей пословицей, связанной с названием: «Вот как

хорошо повиноваться родителям и слушать родственников» [Панаев 1888: 458].

Интересно, что концепт «горячая голова и холодное сердце» еще до Тургенева ввел в своей повести Панаев. Но панаевская Наташа явно уступает в своем развитии тургеневской Наталье Ласунской, хотя финалы обоих произведений во многом похожи. Тургенев значительно развил усадебный сюжет, ввел в него ряд лирико-драматических сцен, наполнил их музыкой, любовными коллизиями, идеологическими и философскими спорами и создал новый тип героини, которую еще при жизни писателя стали называть «тургеневской девушкой». Героини Тургенева обладали чертами пушкинской Татьяны Лариной (близость к природе и стихии народной жизни, интенсивная духовная жизнь, признаки яркого самосознания личности), но и отличались от нее самостоятельностью, жаждой деятельного добра, общественной пользы, активностью в выборе своего жизненного пути. «Тургеневскую девушку» уже нельзя было «отдать» замуж. Так, Наталья Ласунская в отставании своей любви готова была пойти против воли матери, а Елена Стахова не только самостоятельно, вопреки воле родителей устроила свое личное счастье, но и решилась разделить судьбу своего избранника в его борьбе за освобождение Болгарии от турецкого гнета. Тургенев наполнил образы своих героинь — Натальи Ласунской, Лизы Калитиной, Елены Стаховой — высоким лиризмом, возвысил их до нравственно-эстетического идеала. Но это уже не отвлеченный романтический идеал, а психологический тип, характер, культурно-исторический код. Русский писатель смог разглядеть его в реальности и воплотить в своих произведениях идеал девушки — своей современницы.

По утверждению О. Б. Кафановой, трансформирование пушкинского типа девушки в тургеневский произошло благодаря влиянию идей жорж-сандизма в идейно-нравственном движении в русской культуре середины XIX в., дискуссии о любви и браке, которая нашла свое отражение не только на страницах книг и журналов, но и в быту, моделях поведения людей 1840–1860-х гг. [Кафанова 2003: 139].

Можно вычлениить доминантные черты в образе «тургеневской девушки»: нравственная чистота, цельность, гармоничность натуры, альтруизм, стремление к знаниям, духовному развитию, любовь к природе и искусству, поиск смысла жизни и высокой любви. Впервые полно образ такой героини был воплощен у Тургенева в его романе «Рудин». Затем в романах «Дворянское гнездо» и «Накануне» он развивает и модифицирует его, наделяя каждую героиню свойственным только ей характером и индивидуальностью [Кафанова 2018: 122–123].

Перечисленные качества «тургеневской девушки» находим и у героини поэмы Некрасова «Саша», хотя ее образ психологически менее разработан. Вместе с тем очевидны отличия Саши от Натальи Ласунской, воспитанной в аристократической среде. Героиня Некрасова, как и Татьяна Ларина, выросла в деревенской глуши и не имела возможности получить системное образование. Она даже не читала книг, так как родители считали, что это вредно для ее развития. Но она хороша собой и соединяет в себе артистическую натуру дворянской девушки и здоровую красоту крестьянки:

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитячко ваше, —

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так смуглы!
[Некрасов 1982, т. 4: 12]

Некрасовская героиня не просто близка к простой народной жизни, она, как и Татьяна Ларина, органично в нее вписана:

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.
[Некрасов 1982, т. 4: 15]

Она живет в гармонии с природой, которая поначалу заменяет ей социум и культуру. До поры до времени она живет словно в сказке, не замечая социального неравенства и житейских невзгод.

А если и печалится, то по поводу гибели леса и его обитателей:

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали...
[Некрасов 1982, т. 4: 16]

Необходимо было появление образованного героя, прибывшего из столицы, как и в романе «Рудин», чтобы всколыхнуть пылкий ум девушки и приучить ее к самообразованию. Таким героем явился Лев Агарин, сосед по имению родителей Саши. Агарин читал девушке книги, обсуждал их вместе с ней, обучал Сашу французскому языку. Под его руководством осуществляется духовное развитие девушки.

В литературе нет однозначного мнения о том, когда происходят события в поэме Некрасова. М. М. Гин утверждает, что это первая половина 1850-х гг., а развязка взаимоотношений героев относится к середине 1850-х гг.: «Время действия “Саши” можно датировать довольно точно. Во вступлении Некрасов говорит о своей мучительной болезни и о близкой смерти в 1855 г. <...> Первый приезд рассказчика в усадьбу родителей Саши состоялся “третьего года”, тогда же состоялось знакомство героя с героиней. Следовательно, их взаимоотношения протекают в первой половине 50-х годов, а развязка этих взаимоотношений относится к середине 50-х годов» [Гин 1957: 67–69].

Более убедительной кажется суждение А. М. Гаркави. Он первый приезд Агарина в родовую усадьбу и его просветительские идеи соотносит с периодом европейских революций 1848–1849 гг., а перемены, произошедшие в Агарине после нового приезда в усадьбу, его пессимизм и неверие в общественный прогресс исследователь считает следствием разочарования героя в общественных идеалах, которое вызвано периодом реакции, наступившей после недавних революционных событий [Гаркави 1956: 152–153].

Конечно, с позиции современности нет необходимости все подгонять под социологические схемы, но все же в черновой редакции поэмы имеется более конкретное указание на духовные идеалы Агарина. В первой части этой редакции автор пред-

ставляет его благородным романтиком, мечтающим о прекрасном будущем человечества. Однако в окончательной редакции Некрасов от этого варианта отказался, он больше не симпатизирует своему герою, который во второй части поэмы предстает «лишним человеком». К этому типу Некрасов относил большинство либералов 1850-х гг., оторванных от родной почвы. Недаром в некоторых черновиках поэмы его герой наделен именем «Чужбинин». Основной порок Агарина, как и Рудина, заключается в том, что его слово не переходит в дело, но по своей духовной и социальной сущности герои разные. Рудин — энтузиаст, вечный романтик, обладающий даром красноречия и зажигающий молодые сердца жаждой деятельного добра, а Агарин во второй части поэмы — безвольный, слабохарактерный человек, изменивший своим прежним идеалам. В отличие от Рудина, он разочаровался в своих прежних просветительских взглядах и убеждениях, духовно сломался и теперь советовал Саше бросить чтение книг и свою филантропическую деятельность. О своем неверии, разочаровании в роде человеческом он признается Саше:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,
Род человеческий низок и зол...
[Некрасов 1982, т. 4: 22]

О принципиальном отличии героев Тургенева и Некрасова свидетельствует эпилог романа «Рудин», в котором изображена гибель Рудина на парижских баррикадах. Н. Г. Чернышевский связывал поведение человека на rendez-vous с его гражданской и общественной позицией, считая, что «без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится» [Чернышевский 1950: 168–169]. Высказывание Чернышевского относится и к некрасовскому герою, который в ситуации на rendez-vous проявил комплекс «социальной несостоятельности» [Пустовойт 1980: 180].

Выразителем авторской позиции является Саша, именем которой Некрасов назвал свое про-

изведение. В поэме поэт продолжил борьбу за необходимость общественной деятельности женщины, признание ее прав и уважение личного достоинства, которую он начал своими лирическими стихотворениями середины 1840-х гг.

После внезапного отъезда Агарина Саша долго страдала, не находила себе места, но его возвращение в родные пенаты уже не вызвало прежних чувств в сердце героини. Несмотря на свою влюбленность в Агарина, Саша после некоторых колебаний отказывается выходить за него замуж. Ее возлюбленный оказался слабым человеком, предавшим высокие идеалы просвещения, нравственного прогресса. Автор верит, что девушка справится со своими переживаниями и не погибнет в глуши, ведь он в своем окружении встречал девушек, биографии которых напоминают судьбу его героини:

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может.
[Некрасов 1982, т. 4: 24]

Последняя главка поэмы заканчивается гимном свободе и борьбе за освобождение от социального и духовного рабства, которые, по мнению автора, связаны с просвещением и воспитанием чувства свободы:

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,
Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять нелегко!
В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —
Нужны столетия, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.
[Некрасов 1982, т. 4: 27]

В поэме «Саша» Некрасов создал обаятельный образ девушки, которая посредством образования развила свой ум и приобщилась к передовым идеям времени. Автор убежден, что такие девушки со временем будут определять будущее России:

В добрую почву упало зерно —
Пышным зерном отродится оно!
[Некрасов 1982, т. 4: 27]

Результаты

Вслед за Некрасовым к усадебному сюжету, в центре которого духовное развитие девушки, обратился А. А. Фет в своей поэме «Две липки», опубликованной в «Отечественных записках» за 1857 г. (в № 1). Любопытно, что поэма Фета, как и поэма Некрасова, была посвящена Тургеневу. Однако Фету, несмотря на прекрасную форму, не удалось внести в структуру усадебного сюжета что-то свое, новое, поэтому и отказал ему Некрасов в публикации в «Современнике», о чем писал в письме к автору «Рудина»: «Он [Фет] написал поэму «Липки», по-моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нет, поэмы — не его дело» [Некрасов 1982, т. 14, кн. 2: 17].

А в поэме Некрасова была своя новизна. Он разработал удачную форму идеологической поэмы, соединив в ней лирические сцены и авторские отступления-размышления. Поэтому «Саша» Некрасова стала заметным явлением в духовной жизни России. О воздействии ее на свое нравственное развитие писала В. Н. Фигнер: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни» [Фигнер 1964: 92].

Еще дальше пошел Н. Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?», в котором предложил новый вариант поведения русского человека на rendez-vous. В нем он, как писала О. Б. Кафанова, не только пытался уравнивать в правах женщину с мужчиной, но даже «перегнул палку» в ее пользу: «Эгоизм любви и принижение женщины были так ему ненавистны, что, борясь с ними, Чернышевский впадал в противоположную крайность» [Кафанова 1998: 371]. Чернышевский в одном из эпизодов романа, в диалоге своих героев — Веры Павловны и Александра Кирсанова, — проводит мысль: «— Вот какие, Саша. Мы с тобою часто

говорили, что организация женщины едва ли не выше, чем мужчины, что поэтому женщина едва ли не оттеснит мужчину на второй план в умственной жизни, когда пройдет господство грубого насилия...» [Чернышевский 1939, т. 11: 252].

Можно заключить, что образ девушки, созданный Некрасовым в поэме «Саша», был вполне удачным и востребованным современниками, но поэт свой успех больше не развивал, так как соперничество с Тургеневым было бы непродуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

Гаркави 1956 — Гаркави А. М. Поэма Некрасова «Саша». В сб.: *Некрасовский сборник II*. М.: Госиздат, 1956. С. 151–170.

Дудышкин 1861 — Дудышкин С. С. Стихотворения Н. Некрасова (Издание второе. С. Петербург. 1861 г. Два тома). *Отечественные записки*. 1861, № 12. Отд. III: 77–120.

Гин 1957 — Гин М. М. Н. А. Некрасов — литературный критик. Бухштаб Б. Я. (ред.). Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1957. 190 с.

Кафанова 2018 — Кафанова О. Б. Тургеневская девушка как культурно-исторический тип. В кн.: Доманский В. А., Кафанова О. Б. *Художественные миры Ивана Тургенева*. М.: Флинта, 2018. С. 120–180.

Кафанова 2003 — Кафанова О. Б. Русский жоржсандизм. В кн.: *Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни*. СПб.: Наука, 2003. С. 104–143.

Кафанова 1998 — Кафанова О. Б. *Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг.* Томск: ТГПУ, 1998. 410 с.

Макушинский 2003 — Макушинский А. Отвергнутый жених, или Основной миф русской литературы XIX века. *Вопросы философии*. 2003, №7: 35–43.

Маслов 1971 — Маслов В. С. Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях («Саша» и «Рудин»). В сб.: *О Некрасове. Статьи и материалы*. Вып. 3. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1971. С. 136–154.

Пустовойт 1980 — Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова. М.: МГУ, 1980. С. 180.

Степина 2013 — Степина М. Ю. «Родственники» И. И. Панаева — «Саша» Н. А. Некрасова — «Рудин» И. С. Тургенева: контекст и оценки. *Спасский вестник*. Вып. 21. Тула: Гриф и К, 2013. 136–148.

ИСТОЧНИКИ

Блок 1960 — Блок А. А. *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Художественная литература, 1960. 712 с.

Некрасов 1981–2000 — Некрасов Н. А. *Полное собрание сочинений и писем*: в 15 т. Художественные произведения. Т. 1–10. Критика. Публицистика. Письма. Т. 11–15. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); ред. коллегия: В. Г. Базанов, А. И. Груздев, Н. В. Осмаков, Ф. Я. Прийма (зам. гл. ред.),

А. А. Сурков, М. В. Храпченко (гл. ред.). Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.

Огарев 1956 — Огарев Н. П. *Избранные социально-политические и философские произведения*. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 2. 605 с.

Панаев 1888 — Панаев И. И. *Полное собрание сочинений*. СПб., 1888. Т. 3. С. 369–458.

Пушкин 1978 — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: в 10 т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). 4-е изд. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1977–1979. Т. 5, 1978. 529 с.

Тургенев 1987 — Тургенев И. С. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1987. П. Т. 2. С. 297.

Фигнер 1964 — Фигнер В. *Запечатленный труд. Воспоминания. в двух томах*. Т. I. М., 1964.

Чернышевский 1939–1953 — Чернышевский Н. Г. *Полное собрание сочинений*: в 15 т. Кирпотин В. Я., Козьмин Б. П., Лебедев-Полянский П. И. (ред.). М.: Гослитиздат, 1939–1953.

REFERENCES

Garkavi 1956 — Garkavi A. M. Nekrasov's poem "Sasha". In: *Nekrasovskii sbornik II*. Moscow: Gosizdat Publ., 1956. P. 151–170. (In Russian)

Dudyshkin 1861 — Dudyshkin S. S. Poems by N. Nekrasov (Second edition. St. Petersburg. 1861, in 2 vols). *Otechestvennye zapiski*. 1861, no 12. Otd. III: 77–120. (In Russian)

Gin 1957 — Gin M. M. N. A. Nekrasov — literary critic. Buhshhtab B. Ya. (ed.). Petrozavodsk: Gosizdat Karel'skoi ASS, 1957. 190 p. (In Russian)

Kafanova 2018 — Kafanova O. B. Turgenev girl as a cultural and historical type. In: Domanskii V. A., Kafanova O. B. *Khudozhestvennye miry Ivana Turgeneva*. Moscow: Flinta Publ., 2018. P. 120–180. (In Russian)

Kafanova 2003 — Kafanova O. B. Russian Georgsandism. In: *Vozhdi umov i mody. Chuzhoe imia kak nasleduemaia model' zhizni*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. P. 104–143. (In Russian)

Kafanova 1998 — Kafanova O. B. *George Sand and Russian Literature of the 19th Century (Myths and Reality) 1830–1860*. Tomsk: TGPU Publ., 1998. 410 p. (In Russian)

Makushinskii 2003 — Makushinskii A. The Rejected Bridegroom, or the Main Myth of Russian Literature of the 19th Century. *Voprosy filosofii*. 2003, no 7. P. 35–43 (In Russian)

Maslov 1971 — Maslov V. S. Nekrasov and Turgenev. On the question of literary relationships («Sasha» and «Rudin»). In: *O Nekrasove. Stat'i i materialy*. Vyp. 3. Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd. Publ., 1971. P. 136–154. (In Russian)

Pustovojt 1980 — Pustovojt P. G. I. S. Turgenev — the artist of the word. Moscow: MGU Publ., 1980. 180 p. (In Russian)

Stepina 2013 — Stepina M. Yu. "Relatives" by I. I. Panaeva — "Sasha" by N. A. Nekrasov — "Rudin" by I. S. Turgenev: context and assessments. *Spasskii vestnik*, iss. 21. Tula: Grif i K Publ., 2013. P. 136–148. (In Russian)

SOURCES

Блок 1960 — Blok A. A. *Collected works*: in 8 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literature Publ., 1960. 712 p. (In Russian)

Некрасов 1981–2000 — Nekrasov N. A. *Complete Works and Letters*: in 15 vols. Works of art. Vols. 1–10. Criticism. Journalism. Letters. Vols. 11–15. AN SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkin Dom). Bazanov V. G., Gruzdev A. I., Os'makov N. V., Priima F. Ia., Surkov A. A., Khrapchenko M. V. (eds). Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ., 1981–2000. (In Russian)

Огарев 1956 — Ogarev N. P. *Selected socio-political and philosophical works*. Moscow: Goslitizdat Publ., 1956. Vol. 2. 605 p. (In Russian)

Панаев 1888 — Panaev I. I. *Complete Works*. St. Petersburg, 1888. Vol. 3. P. 369–458. (In Russian)

Пушкин 1978 — Pushkin A. S. *Complete Works*: in 10 vols. AN SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkin Dom). Fourth edition. Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otделение. 1977–1979. Vol. 5. 1978. 529 p. (In Russian)

Тургенев 1987 — Turgenev I. S. *Complete Works and Letters*: in 30 vols, *Letters*: in 12 vols. Moscow: Nauka Publ., 1987. Vol. 2. 297 p. (In Russian)

Фигнер 1964 — Figner V. *Imprinted work. Memories*: in 2 vols. Vol. I. Moscow, 1964. (In Russian)

Чернышевский 1939–1953 — Chernyshevskii N. G. *Complete Works*: in 15 vols. Kirpotin V. Ia., Koz'min B. P., Lebedev-Polianskii P. I. (eds). Moscow: Goslitizdat Publ., 1939–1953. (In Russian).